

OPUS MAGNUM
ПРОФЕССОРА Л.А. КАЛИННИКОВА

В.А. Конев¹

Рец. на кн.: Калинин Л.А.
Философская система Канта. Замысел и итоги :
монография. Калининград : Издательство
БФУ им. И. Канта, 2021. 222 с.

Автор назвал свою книгу «Философская система Канта». Такое название заставляет задуматься. Как это — «система Канта»? Ведь критический метод, созданный Кёнигсбергским философом, изначально несет в себе идею условности всякого построения ума, а система всегда нацелена на завершенность и тотальность.

Совместимы ли Кант и система?

Опубликованные сочинения философа дискретны: каждый текст закончен и содержательно, и композиционно. Даже высказанные философские идеи существуют в своей отдельности, хотя и отсылают друг к другу. Но *мысль философа*, его *интеллектуальное созерцание* не дискретны. Мысль и интеллектуальное созерцание философом мира — это живая и постоянная работа осмысления волнующей философа идеи / проблемы / загадки, и эта мысль не может не быть цельной, определенной и системной / систематической. Поэтому Л. А. Калинин отказывается от привычного деления творчества Канта на докритический и критический периоды, а предлагает смотреть на развитие философского мировоззрения Канта как на «метаморфоз насекомых с прохождением стадий развития от личинки к куколке и от нее к взрослой бабочке» (Калининков, 2021, с. 56)². Значит, нужно найти то в мысли Канта, что, развиваясь, сохраняет свой идейный смысл.

¹ Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, 443086, Самара, ул. Московское шоссе, д. 34.
Поступила в редакцию: 08.12.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-3-7

² Далее в ссылках на книгу указываются только страницы в круглых скобках.

PROFESSOR KALINNIKOV'S
OPUS MAGNUM

V.A. Konev¹

Book Review: Leonard A. Kalinnikov,
Filosofskaya sistema Kanta. Zamysel i itogi
[*Kant's Philosophical System. Conception and Results*]. Kaliningrad: IKBFU Press, 2021. 222 pp.

The author has entitled his book *Kant's Philosophical System*. This title may give one pause. Kant's system? The critical method developed by Kant implies that all intellectual constructs are relative, whereas a system always aspires to be complete and total.

Are 'Kant' and 'system' compatible?

The philosopher's published works are discrete, each text being complete in content and composition. Even his philosophical ideas exist separately, albeit the link between them is there. But the philosopher's *thought*, his *intellectual intuition* are discrete. Kant's thought and intellectual contemplation of the world represent living and constant work of mulling over the idea/problem/riddle which engages his mind, and such thought cannot be anything but whole, definite and systemic/systematic. Which is why Kalinnikov renounces the habitual division of Kant's work into the *pre-critical* and *critical* periods and chooses to liken the development of Kant's philosophical worldview to the "metamorphosis of insects that passes through stages from larva to pupa to fully-grown butterfly" (Kalinnikov, 2021, p. 56).² Hence in Kant's thought we should look for that which, while evolving, preserves its ideational meaning.

¹ Samara University.
34 Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia.
Received: 08.12.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-3-7

² Elsewhere only the pages are indicated.

Но где и как обнаружить самую мысль философа, если остались только его тексты? В жизни самих текстов! В том, как они влияют на другие тексты, как тексты перекликаются. Прослеживая, например, как слово Канта отзывается в мыслях и чувствах русских философов и поэтов, Калинин не просто расширяет границы русской кантианы своими хорошо известными статьями и книгами, но тем самым приближается к состоянию кантовской мысли, к ее жизненной силе, к тому порядку мысли, который определял строение кантовской философии. Так же смотрит Калинин и на тексты самого Канта. Ему важно увидеть их как следы реализации зародившегося в сознании философа замысла.

Внимательно читая самые первые работы Канта, которые, как считается, посвящены только естественно-научной проблематике, Калинин выделяет в них ту философскую идею, которая будет волновать мысль философа на протяжении всей его жизни. Это, по мнению автора книги, идея мира как целого, единство которого обеспечивается повсюду действующей тонкой материей, готовой принять любой облик и форму (с. 25–26). Калинин показывает, как эта мысль о единстве мира обнаруживает себя в первой опубликованной работе Канта — сочинении о живых силах, затем развивается в работе «Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения», в магистерской диссертации об огне и наконец становится ведущей в «*Opus postumum*». Такова линия развития доктринальной части философии Канта, полагает автор книги. Вторая ее часть — критическая философия — получает свою полную реализацию в «Критиках», хотя идея трансцендентализма, считает Калинин, зарождается в первых работах Канта, посвященных уяснению идеи единства мира, она же воодушевляет мысль философа и при работе над последним его сочинением «Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике».

But where and how can we discover the philosopher's thought if all we have is his texts? The answer is, in the life of the texts themselves. In how they influence other texts and how the texts correlate with one another. For example, in tracing how Kant's ideas are echoed in the thoughts and feelings of Russian philosophers and poets, Kalinnikov does not merely extend the boundaries of the Russian Kantiana by his well-known articles and books, but thereby approaches the state of Kant's thought, its power and course which determine the structure of his philosophy. And this is also the way Kalinnikov approaches Kant's texts. He seeks to find the traces of implementation of the concepts born in the philosopher's consciousness.

In closely reading Kant's early works which are thought to be devoted entirely to problems of natural science, Kalinnikov identifies the philosophical idea which informs his thought throughout his life. The author calls it the idea of the world as a whole, whose unity is ensured by matter which is ubiquitous and is ready to assume any form (pp. 25-26). Kalinnikov shows that the idea of the unity of the world reveals itself in the very first published work of Kant, devoted to the living forces, is then developed in "The Question, Whether the Earth Is Ageing, Considered Physically", in the magisterial dissertation on fire and finally becomes central in the *Opus Postumum*. So much for the doctrinal part of Kant's philosophy. The second part — critical philosophy — is fully developed in the *Critiques*, although Kalinnikov believes that the idea of transcendentalism is already present in Kant's early works in which he explores the idea of the unity of the world, and inspires his last work *On the Transition, Founded on A Priori Principles, from the Metaphysical Foundations of Natural Science to Physics*.

Три части книги должны, по мысли ее автора, раскрыть логику развития философской системы Канта, вырастающей из этой идеи.

В части первой «“Докритическое” творчество Канта как исток системы критической трансцендентальной антропологии» Калинин, анализируя работы этого периода, приходит к заключению, «что в сознании Канта интерес к естествознанию как опоре философии все более дополняется возрастанием интереса к антропологии, к пониманию, что все тайны философии имеют свой ключ в такой тайне, как человек» (с. 45). Неслучайно самую значимую работу этого периода — «Всеобщую естественную историю и теорию неба» — Кант заканчивает словами:

Действительно, когда дух исполнен размышлений, подобных настоящим... тогда вид звездного неба в ясную ночь доставляет такое удовольствие, какое испытывает только благородная душа. При всеобщем безмолвии природы и спокойных чувствах заговорит тогда скрытая познавательная способность бессмертного духа на неизъяснимом языке и внушит неразвитые понятия, которые можно, правда, почувствовать, но нельзя описать (AA 01, S. 367; Кант, 1994, с. 260).

Так в философском сознании Канта зарождается идея анализа языка познавательной способности, которая, как показывает автор книги, в «Грезах духовидца, поверенных грезами метафизики» заставляет видеть в метафизике науку «о границах человеческого разума» (с. 53) и которая завершится созданием «Критики чистого разума».

Первые работы Канта свидетельствуют, считает Калинин, что, «по сути дела, созрело зерно, из которого готово было вырасти новое целое — синтезирующая все достижения философии, имевшие место в ее истории, критическая трансцендентальная система» (с. 58), для которой были одинаково важны как доктринальная, так и критическая части системы.

The three parts of Kalinnikov's book purport to reveal the logic of Kant's philosophical system arising from this idea.

In the first part — “Pre-critical Work of Kant as the Source of the System of Critical Transcendental Anthropology” — Kalinnikov, analysing the works of that period, comes to the conclusion that “in Kant's mind interest in natural sciences as the basis of philosophy is increasingly complemented by a growing interest in anthropology, the understanding that the clue to the mysteries of philosophy is contained in the mystery of man” (p. 45). It is no accident that Kant's most important work of that period ends with the following words:

In fact, when we have completely filled our dispositions with such observations and with what has been brought out previously, then the sight of a starry heaven on a clear night gives a kind of pleasure which only noble souls experience. In the universal stillness of nature and the tranquillity of the mind, the immortal soul's hidden capacity to know speaks an unnamable language and provides inchoate ideas which are certainly felt but are incapable of being described (NTH, AA 01, p. 367; Kant, 2008, p. 160).

Thus Kant conceives the idea of analysing the language of the cognitive faculty which, as the author shows, in *Dreams of a Spirit-Seer Elucidated by Dreams of Metaphysics*, sees metaphysics as the science “of the limits of human reason” (p. 53), and is crowned with the *Critique of Pure Reason*.

Kalinnikov finds already in Kant's early works the “seed out of which would grow a new whole — the critical transcendental system synthesising all the achievements of philosophy in its history” (p. 58), the system for which the doctrinal and critical parts were equally important.

Часть вторая, «Системность “Критики чистого разума” и система Канта», как видно из ее названия, посвящена не просто обсуждению системы «Критики чистого разума» или системы всей философии Канта, а тому, как в самом построении первой «Критики» высвечивается целостность кантовской философии. Трактат «Критика чистого разума» не ограничивается гносеологией, «как его традиционно понимают, а есть в то же время очерк всей системы, в развернутом виде представленный Кантом только тремя “Критиками”» (с. 70). Калинин смотрит на текст «Критики чистого разума» как на своеобразный палимпсест, когда за представленным текстом критической философии высвечивается «текст» задуманной системы. Автор показывает, как в процессе продвижения мысли Канта по пути развития критической методологии и формирования трансцендентальной идеи постепенно вырисовывается картина новой метафизики.

Возражая Карлу Ясперсу, который находит у Канта только дихотомии *чувственность / рассудок, рассудок / разум, природа / свобода* и попытку с помощью «рефлектирующей способности суждения» как-то упорядочить систематику изложения, Калинин раскрывает не только системную упорядоченность самих «Критик», но и системное видение мира, представленное в них. Автора интересует не то, как решаются Кантом гносеологические проблемы, что прекрасно изучено, а то, как в гносеологических проблемах высвечивается доктринальная сторона кантовской философии. По мысли Калиникова, это представление о целостности и единстве мира зародилось у Канта в его ранних работах и получило развитие в «Критиках». Идея мира как регулятивная идея разума, согласно трансцендентальной философии, направляет рассудок на формирование физической картины мира, но и сама трансцендентальная философия, считает Калинин, имплицитно несет в себе некое метафизическое представление о мире как целом. По-

Part two, “The Systemic Character of the *Critique of Pure Reason* and Kant’s System”, as its title suggests, is devoted not only to discussing the system of the *Critique of Pure Reason* or the system of Kant’s philosophy as a whole, but to showing how the very structure of the first *Critique* highlights the integrity of Kant’s philosophy. The treatise *Critique of Pure Reason* is not limited to epistemology “as it is traditionally understood, but is an outline of the whole system presented at scale only in the three *Critiques*” (p. 70). Kalinnikov sees the text of the *Critique of Pure Reason* as a palimpsest where beneath the text of critical philosophy is revealed the “text” of the conceived system. The author shows how, as Kant’s thought moves toward developing a critical methodology and a transcendental idea, there emerges a new metaphysics.

Challenging Karl Jaspers who finds in Kant only the dichotomies *sensibility/understanding, understanding/reason, nature/freedom* and an attempt to use the “reflective capacity of judgment” to bring some order to the system of presentation, Kalinnikov reveals not only the underlying system of the *Critiques*, but the systemic vision of the world they present. The author is interested not in how Kant solves epistemological problems, a well-studied territory, but in how epistemological problems bring out the doctrinal side of Kant’s philosophy. Kalinnikov takes the view that the notion of wholeness and unity was born in his early works and was developed in the *Critiques*. According to the transcendental idea of philosophy, the idea of the world as the regulative *idea* of reason directs reason to form the physical picture of the world, but Kalinnikov believes that transcendental philosophy itself implies a certain metaphysical notion of the world as a whole. He believes that the latter is rooted in

следнее, по мысли автора книги, укоренено в кантовском понятии возможного опыта, основания которого разрабатывает трансцендентальная философия.

«Вообще категории модальности, — считает Калинин, — занимают в системе Канта особое место, по сути дела, с их помощью и воздвигается система. <...> Категории модальности играют решающую роль в построении системы критической философии как целого» (с. 94–95). Опираясь на этот тезис, автор книги считает, что если есть *возможный* опыт, то есть и опыт *действительный*, а также опыт *необходимый*. И тогда каждому из этих опытов будет открываться свой мир. Мир возможного опыта — это «мир как целое», «мир вещей в себе», мир действительного опыта — мир явлений, а мир, определяющий и направляющий явления, — мир необходимости (с. 95). И Калинин добавляет: «Деление такого рода можно представить как три включенных друг в друга круга. Кант писал по этому поводу: “Скудость наших обычных умозаключений, с помощью которых мы узнаем об обширном царстве возможности, где все действительное (все предметы опыта) составляет лишь малую часть, вообще бросается резко в глаза”» (Там же).

Но мне представляется, что автор здесь ошибается. Следует обратить внимание на начало цитаты из первой «Критики», которую приводит автор в подтверждение своего заключения: Кант отмечает, что *такое* представление об отношении опыта возможного и действительного возникает в ходе *обыденного* рассуждения («скудость наших *обычных* умозаключений»). Для критической философии, как неоднократно замечает Кант, есть «один-единственный всеохватывающий опыт» (В 284; Кант, 2006, с. 379), который и есть то, что Кант обычно называет *возможный* опыт, так как «рассудок *a priori* дает опыту *вообще* только правила по субъективным и формальным условиям чувственности и апперцепции — правила, без которых опыт

the Kantian concept of possible experience for which transcendental philosophy develops the grounds.

Kalinnikov points out that “the categories of modality occupy a special place in Kant’s system for they essentially support the whole system. [...] The categories of modality play the decisive role in the building of critical philosophy as a whole” (pp. 94-95). Proceeding from this thesis, the author argues that if there is *possible* experience there is also *real* experience, as well as *necessary* experience. And then each of these experiences reveals a different world. The world of possible experience is “the world as a whole”, “the world of things in themselves”, the world of real experience opens up the world of phenomena and the world of necessity determines and guides phenomena (p. 95). Kalinnikov adds: “This kind of division can be presented as three circles within one another. As Kant wrote, ‘the poverty of our usual inferences through which we bring forth a great realm of possibility, of which everything actual (every object of experience) is only a small part, is very obvious’” (*ibid.*).

I would take issue with this last statement. We should pay attention to the beginning of the quotation from the first *Critique* which the author uses to bolster his conclusion: Kant notes that *this* notion of the relation between possible and actual experience arises in the course of *usual* reasoning (“the poverty of our *usual* inferences”). As Kant repeatedly stresses, for critical philosophy there is “a single all-encompassing experience” (*KrV*, A 232 / B 284; Kant, 1998, p. 331), which is what Kant usually calls *possible* experience because “The understanding gives *a priori* to experience *in general* only the rule, in accordance with the subjective and formal conditions of sensibility as well as of apperception, which *alone* make it possible” (*KrV*, A 230 / B 283; Kant, 1998, p. 331; my ital-

невозможен» (В 283; Кант, 2006, с. 379; курсив мой. — В.К.). В связи с этим следует вспомнить и основной вопрос «Критики» — как *возможны* синтетические суждения априори. Эту *возможность* и анализирует критическая философия, раскрывая опыт познания.

Выход за пределы возможного опыта, то есть опыта, который основан на правилах чувственности и рассудка, был бы возможен, если бы были другие формы созерцания и другие формы рассудка, которые мы, по мысли Канта, представить и понять не можем. Поэтому в «Критике чистого разума» Кант ограничивается критическим анализом *возможного* опыта, «оставив все остальные вопросы неразъясненными *до дальнейшего исследования*» (В 285; Кант, 2006, с. 381; курсив мой. — В.К.). Это «дальнейшее исследование» — анализ диалектики разума, а затем и изложение доктрины, которое Кант предпримет в «Opus postumum».

Однако сама доктринальная идея постоянным фоном уже сопровождает кантовский критический анализ опыта познания и отношения человека с миром. Именно то, как она представлена в первой «Критике», и рассматривает Калинин. А представлена она, как справедливо считает автор книги, понятием *вещи, объекта вообще*.

Кантовское понятие вещи в себе, как известно, всегда становилось для философов камнем преткновения. Как понять, что, «хотя чувственно воспринимаемым объектам несомненно соответствуют умопостигаемые сущности, пусть это сущности, к которым наша способность чувственного созерцания не имеет никакого отношения, тем не менее наши рассудочные понятия, будучи лишь формами мышления для наших чувственных созерцаний, нисколько не распространяются на эти вещи» (В 308—309; Кант, 2006, с. 407)? С одной стороны, *несомненно* есть объекты за пределами чувственности, но *тем не менее* рассудок почему-то их мыслить не может, хотя сам же создает «представле-

ics — V.K.). It is worth recalling that the main question in the *Critique* is how are *a priori* synthetic judgments *possible*? It is this *possibility* that critical philosophy examines in revealing the cognitive experience.

It would have been possible to go beyond the possible experience, i.e. experience based on the rules of sensibility and understanding if there were other forms of intuition and other norms of understanding which, Kant claims, we cannot imagine or understand. Therefore, in the *Critique of Pure Reason* Kant confines himself to critical analysis of *possible* experience, leaving “the matter in obscurity pending *further treatment* later on” (*KrV*, A 232 / B 285; Kant, 1998, p. 332; my italics — V.K.). “Further treatment” is analysis of the dialectic of reason followed by the presentation of the doctrine which Kant would undertake in the *Opus Postumum*.

However, the doctrinal idea provides a constant background to Kant’s critical analysis of the cognitive experience and the human’s relations with the world. Kalinnikov concentrates on how the idea is presented in the first *Critique*. He rightly believes that it is represented through the concept of *the thing, the object in general*.

The Kantian concept of the thing in itself has always been a stumbling block for philosophers. How should we interpret the statement that “although beings of understanding certainly correspond to the beings of sense, and there may even be beings of understanding to which our sensible faculty of intuition has no relation at all, our concepts of understanding, as mere forms of thought for our sensible intuition, do not reach these in the least”? (*KrV*, B 308-309; Kant, 1998, p. 361). On the one hand, there are *undoubtedly* objects beyond the limits of sensibility, *and yet* reason somehow cannot think them although it itself creates a “representa-

ние о предмете самом по себе» (В 306; Кант, 2006, с. 405). Поэтому такой объект либо отбрасывали, как Фихте, не желая ограничивать всемогущий разум, либо трактовали его как некое иррациональное начало, как Шопенгауэр.

Калинников предпринимает попытку провести деление понятия вещей вообще по разным основаниям — онтологическим, консциологическим (от лат. *conscientia* — сознание) и гносеологическим (с. 96). Этими рассуждениями автор книги, как мне представляется, вносит свой вклад в интерпретацию важнейшего концепта кантовской философии. Он стремится показать, что вещь в себе — это не только демаркационное понятие, имеющее негативный смысл, но и понятие, заставляющее видеть основу явлений в вещах самих по себе. Вряд ли со всеми утверждениями профессора Калинникова можно согласиться, но важно то, что сама идея вещи в себе, выдвинутая Кантом, оказывается, как утверждается в книге, крайне продуктивной, заставляя философию постоянно раздвигать демаркационную линию, прочерченную этим понятием. Это особенно отчетливо проявляется тогда, когда Кант обращается к анализу исторической и культурной сферы, где «нормам как вещам умопостигаемым соответствуют такие содержательные ноумены, как долг, мораль, право, а также такие, как свобода, добро...» (с. 110). Гносеологическая модель, разработанная в «Критике чистого разума» «обеспечивает возможность достижения высшего блага и конечной цели человечества как царства целей, показывая, — утверждает Калинников, — как совершенствуется мир явлений, расширяясь и углубляясь по мере познания мира вещей в себе, что и выступает условием достижимости конечной цели» (с. 114).

Я не могу согласиться с выражением автора книги «по мере познания вещей в себе», потому что в этом случае вещь в себе представляется как нечто еще не познанное, как то, на что распространяется познание. Вещь в себе как идея

tion of *an object in itself*» (*KrV*, В 306; Кант, 1998, p. 360). Therefore such an object was either cast aside not wishing to limit the omnipotent reason (Fichte) or interpreted as an irrational element (Schopenhauer).

Kalinnikov attempts to differentiate the concept of things in general according to different principles, viz. ontological, consciological (from Latin *conscientia*, or consciousness) and epistemological (p. 96). I believe that in this way the author makes a contribution to the interpretation of a key concept of Kantian philosophy. He seeks to show that the thing in itself is not only a concept of demarcation with a negative connotation, but a concept that makes one see the foundation of phenomena in the things in themselves. One can hardly go along with all the claims made by Kalinnikov, but what is important is that the idea of the thing in itself put forward by Kant turns out, as the book rightly claims, to be highly productive, causing philosophy to constantly extend the demarcation line drawn by this concept. This is particularly clear when Kant turns to the analysis of the historical and cultural matters where “norms of understanding correspond to such substantive noumena as duty, morals, law as well as freedom, good [...]” (p. 110). The epistemological model developed in the *Critique of Pure Reason* “makes it possible to achieve the *highest good* and humanity’s ultimate goal of the *kingdom of ends*”, demonstrating how, according to Kalinnikov, “the world of phenomena is improved by broadening and deepening, which is the *condition* of achieving the ultimate goal” (p. 114).

I cannot agree with the author’s expression “as the world of things in themselves is cognised” because it represents the thing in itself as something that *has not yet* been cognised, as something to which cognition is being spread. The thing in itself as an idea points to the ac-

указывает на *само бытие* вещи (бытие *самой* вещи), которое действительно является *условием* достижения целей человека. Вещь в себе для Канта открывается критике, которая видит *одновременно* вещь как явление и как вещь в себе. Как явление вещь открыта чувственности и рассудку или открыта чувственностью и рассудком, а вещь сама по себе в ее безотносительности к нашей чувственности и пониманию открывается для нас только как условие нашего существования, открывается практическому познанию (см.: В IX–X; Кант, 2006, с. 11). «Однако, — замечает Кант, — при этом... у нас всегда должна оставаться возможность если и не *познавать*, то по крайней мере также *мыслить* эти предметы (то есть предметы опыта. — В.К.) как вещи сами по себе» (В XXVI; Кант, 2006, с. 29).

Проведенный Калининским во второй части книги анализ «Критики чистого разума» с точки зрения проявления в ней доктринальных идей кантовской системы убедительно показывает, что хотя «Критика» и есть трактат о методе, «но тем не менее в ней содержится *полный* очерк метафизики, касающийся вопроса и о ее границах, и о всем внутреннем ее расчленении» (В XXII–XXIII; Кант, 2006, с. 25; курсив мой. — В.К.). Но хотя Кант и сделал такое заявление в Предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», все-таки необходимость совершить в метафизике «полную революцию» осталась. Это и потребовало той работы, которая отразилась на страницах «Opus postumum». Анализу назначения «Opus postumum» в философской системе Канта посвящена третья часть книги Л. А. Калининкова.

Как известно, черновой характер последнего труда Канта порождает разные его интерпретации — и в плане того, какова его композиция, и в плане того, каково его назначение и содержание. Калининков смотрит на «Opus postumum» как на необходимый этап в развития мысли Канта, смысл которого «нельзя понять, не приняв во внимание системы в целом,

tual being of the thing (the being of the actual thing), which is indeed the *condition* of achievement of humanity's goals. For Kant the thing in itself opens up to critique which sees the thing simultaneously as a phenomenon and a thing in itself. As a phenomenon the thing is open to sensibility and understanding or is discovered by sensibility and understanding and the thing in itself regardless of our sensibility and understanding opens up to us only as the condition of our existence which lends itself to practical knowledge (*cf. KrV*, В IX-X; Kant, 1998, p. 107). "Yet [...] even if we cannot *cognize* these same objects as things in themselves, we at least must be able to *think* them [i.e. the objects of *experience* — V.K.] as things in themselves" (*KrV*, В XXVI; Kant, 1998, p. 115).

In the second part of his book Kalinnikov analyses the *Critique of Pure Reason*, looking for manifestations of the doctrinal ideas of the Kantian system and shows convincingly that, being a treatise on method, it nevertheless "catalogs the *entire* outline of the science of metaphysics, both in respect of its boundaries and in respect of its entire internal structure" (*KrV*, В XXII-XXIII; Kant, 1998, p. 113; my italics — V.K.). But although Kant makes this statement in the Preface to the second edition of the *Critique of Pure Reason*, the need for a "total revolution" in metaphysics has remained. This is the task addressed in the *Opus Postumum*. The significance of the *Opus Postumum* in Kant's philosophical system is analysed in the third part of Kalinnikov's book.

Kant's last work has features of a rough draft, which gives rise to various interpretations of the work's purpose and content. Kalinnikov sees the *Opus Postumum* as a necessary step in the development of Kant's thought whose meaning "cannot be understood without taking into account the system as a whole, and the system cannot be understood without

а систему нельзя понять, не учитывая назначения “*Opus postumum*”» (с. 134). И автор книги интерпретирует «*Opus postumum*» исходя из «понимания системы Канта как трансцендентальной антропологии, опирающейся на принцип *материального единства мира*» (Там же).

Содержание и направленность последней работы Канта, согласно Калинникову, определяется возрождением его интереса к естественно-научной проблематике, которая теперь рассматривается с достигнутых в «Критиках» высот трансцендентальной философии. Поскольку трансцендентальная философия исходит из того, что всякому опыту предшествуют *a priori* его формы, которые делают опыт возможным, постольку именно человек с его способностями познания, суждения или действия должен стать предметом и ориентиром философского мышления. Поэтому, считает Калинников, «*Opus postumum*» как доктринальная часть системы должна была дать научную картину мира как материального целого, обеспечивающего существование человека (с. 150). В таком случае план работы должен состоять из трех разделов: «1) теоретические основания науки о неживой материи — физика, поскольку законы неживой материи свойственны как живой, так и материи одушевленной; 2) теоретические основания науки о жизни — биологии, базирующейся на биофизике и биохимии; 3) теоретические основы науки о человеке и обществе — антропологии, социологии, истории, возможность которых заложена в физике и биологии» (с. 150–151). Такая интерпретация труда Канта, несомненно, представляет интерес, тем более что автор показывает потенциальную научную перспективу многих идей и положений, высказанных Кантом в этой работе.

Однако в сформулированном Калинниковым понимании задач «*Opus postumum*» делается акцент на анализе универсальной натурфилософской картины мира, которую разрабатывает Кант, а достижения критической

taking into account the purpose of the *Opus Postumum* (p. 134). He interprets the *Opus Postumum* proceeding from “the interpretation of Kant’s system as transcendental anthropology, based on the principle of the *material unity of the world*” (*ibid.*).

The content and the main thrust of Kant’s last work, according to Kalinnikov, are determined by his revived interest in natural science which he now surveys from the heights of transcendental philosophy as achieved in the *Critiques*. Because transcendental philosophy proceeds from the assumption that all experience is preceded by its *a priori* forms which make experience possible the human being with his/her capacity to cognise, judge and act should be the object and reference point of philosophical thought. Kalinnikov believes that the *Opus Postumum* as the doctrinal part of the system was called upon to provide a scientific picture of the world as a material whole which ensures man’s existence (p. 150). In that case the work should consist of three sections: “1) theoretical foundations of the science of inorganic matter, physics, because the laws of inorganic matter apply both to living and animate matter; 2) theoretical foundations of the life science, biology, based on biophysics and biochemistry; 3) theoretical foundations of the science of the human being and society, i.e. anthropology, sociology, and history which are made possible by physics and biology” (pp. 150-151). This interpretation of Kant’s work is undoubtedly interesting, all the more so because the author shows the scientific potential of many of the ideas and propositions Kant enunciates in this work.

However, Kalinnikov’s interpretation of the tasks of the *Opus Postumum* focuses on the universal natural science picture of the world developed by Kant while the achieve-

философии отходят при этом на второй план. Употребление таких терминов, как «биофизика», «биохимия», «социология», вносит в эту интерпретацию элемент ненужной модернизации кантовских представлений. Кроме того, употребление терминов типа «живая материя», «одушевленная материя» прямо противоречит представлениям Канта о материи, как она понимается им в данном труде: «Живая материя — это *contradictio in adjecto*, управляющий принцип не материален», и в другом месте: «Могут существовать живые *тела* (не материя). *Принцип жизни не материален*» (AA 22, S. 481; Кант, 2000, с. 502). Можно приветствовать стремление автора показать, что Кант был привержен идее единства мира и что это единство должно иметь естественно-научное объяснение, о чем, как справедливо замечает Калинин, говорят выдвигаемая Кантом идея особой науки (гиперфизики) и его многочисленные утверждения о телах и движущих силах материи, которые дает опыт. Но вряд ли это означает, что Кант исходит из признания принципа *материального единства мира* в том смысле, который придавала этому понятию позднейшая философия (= все должно быть объяснено как материя или быть производным от нее). А утверждения о том, что сознание есть свойство материи (с. 152) или что человек существо социальное (с. 185), которые нередко встречаются в рецензируемой книге, дают повод для такого толкования понятия «материальное единство мира».

Между тем автор справедливо указывает на то, что, поскольку Кант называет готовящуюся работу «Переходом от метафизических начал естествознания к физике», слово «переход» является в ней основным (с. 152). Те априорные начала, которые открываются трансцендентальной философией, должны, по мысли Канта, стать существенным элементом доктринальной части его системы. Калинин считает, что выяснение Кантом роли метафизических начал естествознания «говорит, во-первых, о роли ме-

ments of critical philosophy recede into the background. The use of such terms as “biophysics,” “biochemistry” and “sociology” unduly modernises Kant’s ideas. Besides, the use of such terms as “living matter”, “animate matter” is at odds with Kant’s notions about matter presented in this work: “Living matter is a *contradictio in adjecto*: The guiding principle is immaterial”, and elsewhere: “There can be living *bodies* (not matter). The *vital* principle is *immaterial*” (OP, AA 22, p. 481; Kant, 1993, p. 137). We can go along with the author’s wish to show that Kant was wedded to the idea of the unity of the world which must have a natural science explanation, as witnessed (Kalinnikov rightly notes) by Kant’s idea of a special science (hyperphysics) and his numerous references to bodies and moving forces of matter yielded by experience. But it is unlikely that Kant recognises the principle of *material unity of the world* in the sense with which later philosophy invested it (= everything must be explained as matter or as its derivative). And frequent assertions in the book under review that consciousness is a property of matter (p. 152) or that man is a social creature (p. 185) suggest this interpretation of the concept of “material unity of the world”.

And yet the author rightly points out that because Kant calls his forthcoming book *Transition from the Metaphysical Foundations of Natural Science to Physics*, the word “transition” is key (p. 152). According to Kant, the *a priori* principles discovered by transcendental philosophy should be an important element of the doctrinal part of his system. Kalinnikov assumes that Kant’s clarification of the role of metaphysical principles of natural science “attests, first, to the role of metaphysical propositions as foundations of natural science and second, to the transition from there to physics” (p. 153). This, the author argues, ensures grad-

тафизических положений для получения оснований науки о природе и, во-вторых, о переходе от них к физике» (с. 153). Этим, по мысли автора книги, достигается постепенный «переход к теоретическим принципам все меньшей степени абстракции и общности, пока мы не достигнем многообразного материала, дающегося чувственностью, конкретными органами чувств» (Там же). Автор, опираясь как на материалы «Opus postumum», так и на другие труды Канта, показывает, как, по его мнению, этот переход совершается от философии через универсальный уровень физики к физике *specialis*, а от нее к другим специальным наукам. Калинин подчеркивает прозорливость Канта в его понимании развития науки, хотя вряд ли все согласятся с тезисом автора, что усилиями «Opus postumum» физика приобрела новый, по сути своей постнеклассический, характер (с. 162).

Мне жаль, что при анализе идеи «перехода» профессор Калинин уделит мало внимания поиску Кантом тех априорных начал, которые давали бы возможность увидеть этот переход от метафизики к естествознанию в ракурсе критической философии. Сам Кант несколько раз отмечает: «Это удивительно; это кажется даже совершенно невозможным — представить а priori восприятия для нужд опыта, и тем не менее без этого не было бы никакой физики, в качестве которой выступает система этих восприятий» (AA 22, S. 504; Кант, 2000, с. 515; курсив мой. — В.К.). И в другом месте: «Это удивительно, это кажется даже невозможным — представить движущие силы материи (действующие причины восприятий как эмпирических представлений, которые может иметь субъект) а priori, т.е. независимо от опыта, и тем не менее это — необходимое требование для физики» (AA 22, S. 397; Кант, 2000, с. 455; курсив мой. — В.К.). Именно в этом поиске априорных начал возможности опыта, того опыта, о котором говорила «Критика чистого разума», хорошо прослеживается связь критической и док-

уал “transition to theoretical principles that become less and less abstract and general until we reach manifold material given to us through senses” (*ibid.*). Proceeding from the *Opus Postumum* and Kant’s other works the author shows how this transition takes place from philosophy through the universal level of physics to physics *specialis*, and from there to other specialised sciences. Kalinnikov stresses Kant’s foresight in understanding the development of science, although the author’s claim that the *Opus Postumum* lends physics a new, essentially post-nonclassical character is unlikely to be universally accepted (p. 162).

I wish Professor Kalinnikov in analysing the idea of “transition” paid more attention to Kant’s search for the *a priori* principles that would show this transition from metaphysics to natural science from the perspective of critical philosophy. Kant himself observes in several places: “It is strange — it even appears impossible — to present perceptions a priori for the sake of experience; yet, nevertheless, without this, no physics, as a system of experience, would emerge” (OP, AA 22, p. 504; Kant, 1993, p. 148; my italics — V.K.). And elsewhere: “It is strange, it even appears impossible, to present the *moving forces* of matter (the causes of perceptions as empirical representations the subject may have) a priori, i.e. irrespective of experience, and yet it is a necessary requirement for physics” (OP, AA 22, p. 397; my italics — V.K.). It is this search for *a priori* principles of the possibility of experience, experience referred to in the *Critique of Pure Reason*, that highlights the link between the critical and doctrinal parts of Kant’s philosophy. The discovery of such *a priori* principles, and according to transcendental philosophy they can be found only in reason (the subject’s consciousness), would give the human being

тринальной частей философии Канта. Обнаружение таких априорных начал, а они, согласно трансцендентальной философии, могут быть только в разуме (сознании субъекта), открыло бы человеку (и науке) доступ к вещи самой по себе. Но выявить эти априорные формы, которые могли быть только формами какого-то *ино-го* опыта, отличного от уже известного физике (науке, как ее понимает «Критика»), Канту, к сожалению, не удалось. Не удалось не потому, что не хватило сил или таланта, а потому, что как гений, открывший эру критической мысли в философии и науке, он понял, что желание разума эры Просвещения все объять и все объяснить единой системой противоречит самому принципу критической мысли.

Это и делает великого кёнигсбергского мыслителя философом на все времена.

Каждая из трех частей книги предваряется портретом Канта. Мы видим Канта разного возраста, но видим одного и того же человека. Так и философские произведения Канта — о разном, они ставят и решают разные проблемы, но во всех них живет одна общая философская мысль о единстве мира. Ее и высвечивает автор книги. Не со всеми утверждениями Л. А. Калинникова можно согласиться, но нельзя не признать, что работа, им проделанная, заслуживает высокой оценки и неизменно будет побуждать читателя к размышлению над наследием великого мыслителя из Кёнигсберга.

Список литературы

Калинников Л.А. Философская система Канта. Замысел и итоги. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2021.

Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 1. С. 112–260.

Кант И. Критика чистого разума // Соч. на рус. и нем. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», «Opus postumum»). М. : Прогресс-Традиция, 2000.

(and science) access to the thing in itself. Unfortunately, Kant failed to identify the *a priori* forms which could be only forms of some *other* experience different from that already known to physics (science as understood in the *Critique*). He failed not because he lacked strength or talent but because, being a genius who ushered in an era of critical thought in philosophy and science, he realised that the ambition of Enlightenment-era reason to embrace everything and to explain everything through a single system runs counter to the very principle of critical thought.

This is what makes Kant a philosopher for all times.

Each of the book's three parts begins with a portrait of Kant. We see Kant at different ages, but it is one and the same man. Likewise, Kant's philosophical works are about different things, address different problems, but one and the same philosophical thought of the unity of the world throbs in all of them. The author of the book under review brings out that thought. Not all Kalinnikov's claims are indisputable; what is indisputable is that the work accomplished by Leonard Kalinnikov merits recognition and will encourage the reader to reflect on the heritage of Kant, the great Königsberg thinker.

References

Kalinnikov, L.A., 2021. *Filosofskaya sistema Kanta. Zamysel i itogi* [Kant's Philosophical System. Conception and Results]. Kaliningrad: IKBFU Press. (In Rus.)

Kant, I., 2008. *Universal Natural History and Theory of the Heavens*. Translated by I. Johnston. Arlington: Richer Resources Publications.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1993. *Opus Postumum*. Edited, with an introduction and notes, by E. Förster, translated by E. Förster and M. Rosen. Cambridge: Cambridge University Press.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторе

Владимир Александрович **Конеv**, доктор философских наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва (Самарский университет), Самара, Россия.

E-mail: vakonev37@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8264-5782>

Для цитирования:

Конеv В.А. Opus magnum профессора Л.А. Калининкова // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 3. С. 159–171. Рец. на кн.: Калининков Л.А. Философская система Канта. Замысел и итоги : монография. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. 222 с.

doi: [10.5922/0207-6918-2023-3-7](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2023-3-7)

© Конеv В.А., 2023.

The author

Prof. Dr Vladimir A. Konev, Samara University, Samara, Russia.

E-mail: vakonev37@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8264-5782>

To cite this article:

Konev, V.A., 2023. Professor Kalinnikov's *Opus Magnum* (Rev.: L.A. Kalinnikov, *Filosofskaya sistema Kanta. Zamysel i itogi*. Kaliningrad: IKBFU Press, 2021. 222 pp.). *Kantian Journal*, 42(3), pp. 159-171.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-3-7>

© Konev V.A., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))